

1855.

№ 7

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою 8 р. 50 к.
Полугодовое 4 • 50 к.
Объявленія печатаются съ платою за каждую букву по 1/2 коп. серебромъ.

Кавказъ

22 Января,

Суббота.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ: Высочайшія приказы: по военному вѣдомству 23—30 декабря. Показъ Главнокомандующаго Дѣйствующей Арміею въ Крыму.—За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадутъ. Подробности о смерти вице-адмирала Корнизова. Списокъ убитыхъ въ настоящую войну. Русскіе пѣвцы въ Турціи. КАВКАЗЪ: Тифлисъ. ФЕЛЬЕТОНЪ: Новый годъ въ Кутаисѣ. Новый годъ въ Ставроп. Губ. Ливн. театрала. ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ: Извѣстія съ Чернаго моря. Англія. Франція. Австрія. Пруссія. Турція. Переія. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. О праздничныхъ и праздничныхъ обмѣнахъ за Кавказомъ (продолженіе.)

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.
ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

ПО ОТДѢЛЬНОМУ КАВКАЗСКОМУ КОРПУСУ И ВОЙСКАМЪ КЪ НЕМУ ПРИКОМАНДИРОВАННЫМЪ.

Декабря 23-го дня 1854 года. Производятся: По Иррегулярнымъ войскамъ Ротеначальникъ Куртинъ Карскаго Пашалыка Касумъ-Ханъ, въ Подполковники. Въ Препоручики. Кавказскаго Сапернаго батальона изъ унтеръ-офицеровъ Качаловъ — въ Кавказскій Ливійскій батальонъ № 2-го. За выслугею мѣсяца унтеръ-офицеръ Матвѣевъ — въ Кавказскій Ливійскій батальонъ № 7-го.
Декабря 26-го дня. Увольняются: Въ отпускъ. По Пѣхотѣ. Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка Подпоручикъ Каминскій, для излеченія болѣзни отъ раны происходящей, въ Полтавскую губернію на десять мѣсяцевъ. Отъ службы, за болѣзнію. По Пѣхотѣ. Навагинскаго Пѣхотнаго полка Прапорщикъ Май, Подпоручикомъ, съ мундиромъ и съ пенсіономъ понаго жалованья. Исключается изъ списковъ Умершій. Егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Чернышева полка, Штабъ-Капитанъ Валуевъ.
Декабря 28-го дня. Производятся: За выслугею мѣсяца унтеръ-офицеръ. По Кавалеріи. Драгунскихъ полковъ: Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, изъ юнкеровъ Абаза — въ Драгунскій Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго полкъ. Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго, изъ юнкеровъ Воиновичъ.
Декабря 29-го дня. Опредѣляются въ службу. По Пѣхотѣ. Уволенный изъ Капитановъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія Подполковникъ Тергукасовъ, въ Гренадерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полкъ, Майоромъ. Уволенный изъ Прапорщиковъ Рязанскаго Пѣхотнаго полка Подпоручикомъ, Фельдмаршалъ, въ Егерскій Генераль-Адъютанта Князя Воронцова полкъ, прежнимъ Прапорщикомъ чиновъ. Увольняются: Въ отпускъ. По Артиллеріи. Командиръ Коно-Артиллерійской бригады Кавказскаго Ливійскаго Казачьяго войска, состоящій по Полевой Конной Артиллеріи Полковникъ Венардосъ, для излеченія болѣзни, въ г. Москву и въ Херсонскую губернію, на восемь мѣсяцевъ. Отъ службы, за болѣзнію. По Иррегулярнымъ войскамъ. Главный Приставъ Закубанскихъ народовъ, Кавказскаго Ливійскаго Казачьяго войска Полковникъ Соколовъ 3-й, съ мундиромъ. Войска Донскаго Воеводой Старшина Цыплаковъ.

Умершихъ исключаются изъ списковъ. По Пѣхотѣ. Влѣдскаго Егерскаго полка Прапорщикъ Искатьевъ. По Ливійскимъ батальонамъ. Грузинскаго Ливійскаго батальона № 6-го Штабъ-Капитанъ Ливинскій.
Декабря 30-го дня. Производятся: За отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ. По Пѣхотѣ. Бывшій Адъютантъ Начальника Джаро-Блжонскаго Военнаго Округа и всей Лезгинской Кордонной линіи, Апшеронскаго Пѣхотнаго полка Капитанъ Вруслановъ, въ Майора, со старшинствомъ съ 25-го Августа 1853 года. Назначается. Корпуса Инженеровъ Военныхъ Поселеній Подполковникъ Бульберингъ, Поящикомъ Начальника 7-го Округа сего Корпуса. Переводится. По Пѣхотѣ. Эриванскаго Карабинернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка Подпоручикъ Шарковскій, въ Грузинскій Ливійскій батальонъ № 7-го. Увольняется: Въ отпускъ. По Кавалеріи. Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полка Майоръ Лодѣ, для излеченія болѣзни, отъ контузіи происходящей, въ С.-Петербургскую, Полтавскую и Каменецъ-Подольскую губерніи, на восемь мѣсяцевъ.

По Корпусу Инженеровъ Путей Сообщенія.
Декабря 30-го дня. Производятся: За отличіе въ сраженіи противъ Турокъ, со старшинствомъ съ 24-го Іюля 1854 года. Столоначальникъ Инженернаго Отдѣленія Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Штабъ-Капитанъ Ливановскій, — въ Капитанъ. Начальникъ 1-й Дистанціи IV-го Отдѣленія VIII-го Округа Путей Сообщенія, Поручикъ Шагубаговъ, — въ Штабъ-Капитанъ.
Государь Императоръ объявляетъ Монарше Его Императорскаго Величества благоволеніе Инженеръ-Поручикамъ: Пришецову и Янушовскому и Строительнаго Ограды Майору Гаврилову, Капитану Ревковскому и Подпоручику Чеховскому, за труды и усердіе, оказанное къ устройству колеснаго пути, переправъ и мостовъ, для безостановочнаго и удобнаго следованія 13-й Пѣхотной дивизіи съ Артиллеріею и обозами, отъ Редутъ-Кале до Кутаиса.

селеніяхъ, составляющихъ пограничную полосу, отъ Чернаго моря до предѣловъ Персіи. О зимнихъ экспедиціяхъ и движеніяхъ войскъ, собственно-кавказскихъ, или внутри края расположенныхъ, въ теченіе вышеозначеннаго времени, также извѣстій не шлѣлось.

— Штатный смотритель и учитель Нахичеванскаго Узднаго Училища, желая ознаменовать добрымъ дѣломъ 6-е Декабря—день тезоименитства Его Величества Государя Императора, пожертвовали на военныя надобности двадцать пять руб. сер., и на пересылку этихъ денегъ къ мѣсту назначенія двадцать пять коп. серебромъ.

— Его Сіятельство, Князь Иванъ Малхазовичъ Андрониковъ, 20-го января, возвратился въ Тифлисъ изъ Елисаветполя.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ ЧЕРНАГО МОРЯ. (N. Pr. Z.)

По письмамъ изъ Балаклавы отъ 21-го декабря, полученнымъ англійскими газетами, подкрѣпленія прибывали въ Крымъ безостановочно. 19-го числа прошли черезъ лагерь 1-й французской дивизіи 800 чел. и пѣли «God save the Queen» и «Rule Britannia», а Англичане отвѣчали имъ арією «La Reine Nortense.» Зуавы угощали новоприбывшихъ водкою и табакомъ. «Рояль Альбертъ» тоже прибылъ благополучно съ 1,500 гвардейцевъ. Вообще полагали, что до половины января новаго стіля едва ли дойдетъ дѣло до штурма.

Англія. Изъ Лондона пишутъ въ Indépendance Belge отъ 5-го января:

«Почти излишне напоминать вамъ, что нынѣшній кабинетъ составленъ изъ разнородныхъ, и даже противоположныхъ элементовъ. Съ

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Новый Годъ въ Кутаисѣ.

У насъ, да я думаю и вездѣ, Новый Годъ составляетъ важную эпоху. Всѣ болѣе или менѣе ждуть его съ любопытствомъ; иные надѣются въ самомъ дѣлѣ какихъ либо перемѣвъ въ своей жизни, въ которые даже и ищутъ... Любопытно слѣдить за физиономіями, которыя сталкиваются на порогѣ двухъ длинныхъ годовъ, проводя старый, встрѣчая новый.
Не знаю, какъ въ другихъ городахъ Закавказья, а мы въ Кутаисѣ встрѣтили новый годъ совершенно согласно обычному порядку. Праздники Рождества у насъ были зимніе, выпалъ снѣгъ и дулъ вѣтеръ и шелъ мелкій дождь; было всего довольно, но гризъ конечно болѣе, нежели следовало по положенію. Сообщенія съ заріонской слободкою почти прекратились; путешествовать въ улицахъ сдѣлалось затруднительно; мѣсяць отказывался свѣтитъ; густыя облака висли надъ городомъ, обшая то снѣгъ, то дождь; между тѣмъ огоньки свѣтились не въ одномъ домикѣ, не одно фортепьяно звучало веселыя польки или кадрили, не одна колода картъ была распечатана и пускалась по зеленому полю, занимая и тѣша практическіе умы; не одно сердце билось отъ выигрыша и проигрыша, не одна высокая грудь колыхалась подъ пламеннымъ взоромъ усатаго кавалера... однимъ словомъ, Кутаисъ жилъ, веселился внутри своихъ маленькихъ домиковъ, не смотря на холодъ и гризъ, окружающіе его на улицахъ, такъ что три парныхъ извозчика, вѣроятно, составили себѣ капиталы, перевоза гостей.
Всякій городъ имѣетъ свою физиономію; Кутаисъ—свою. Не вдаваясь ни въ статистическія, ни въ историческія, ни въ философскія изслѣдованія о его значеніи, но взглянувъ на него со стороны жизни общественной, мы

должны сказать, что Кутаисъ городъ по преимуществу пляшущій. Это фактъ. Что бы ни случилось въ другихъ сферахъ— для насъ все равно. Раздаются-ли выстрѣлы изъ нашей миролюбивой бульварной пушки, или вѣтеръ доноситъ ихъ къ намъ съ Никитскихъ высотъ, или изъ Чолокского лагеря—Кутаисъ этимъ не смущается; онъ все съ тою же веселой улыбкою смотритъ въ зеркало, граціозно примѣривая кисейное платьице или поправляя наколку, въ полной увѣренности, что въ этомъ нарядѣ онъ будетъ все также любезенъ и милъ, отправившись въ первое воскресенье потанцовать въ городскомъ саду, подъ сѣнію старыхъ лавровыхъ деревьевъ. Пусть другіе бѣгутъ за лаврами, обнажая блестящую шашку, наши блестящіе взоры уже одержали намъ не одну побѣду... Пусть другіе, забравши пожитки, уѣхали Богъ знаетъ для чего-то, подавѣе отъ военного шума, совѣту и намъ струситъ, но мы—ничуть! У насъ есть Собраніе и батальонный оркестръ, который отлично играетъ кадрили и вальсы и только за мазуркой приходитъ въ некоторое стыдливое замѣшательство... Ничто не мѣшаетъ намъ веселиться и танцовать. И ежели война уведетъ у насъ и послѣдняго батальоннаго музыканта, мы будемъ танцовать подъ шарманку, подъ фортепьяно или подъ зурну, на зло всѣмъ възыскательнымъ и строгимъ умамъ.

Не шути: тому, кто самъ не былъ и не живалъ у насъ въ Кутаисѣ, трудно судить о той беззаботно-веселой жизни, которую мы ведемъ здѣсь бокъ-о-бокъ съ войною и разнаго рода лишеніями, неизбежными въ такой отдаленной странѣ. Наша общественная жизнь только начинается; не смотря на то, при вниманіи къ ней здѣшняго начальства, она почти совершенно сложилась, приняла себѣ выразительную физиономію. Скоро, быть можетъ, получитъ она характеръ и даже точъ... Собраніе существъ

вуетъ три года на зло всѣмъ толкамъ, рѣчамъ и противорѣчіямъ. Конечно, оно не подчинено тѣмъ формальностямъ и тѣмъ строгимъ правиламъ, которыми управляютъ подобныя учрежденія посреди столицъ; но на первый разъ не могло-же быть иначе: самая малолетность города требовала, чтобъ оно было общедоступнѣе; это не помѣшало веселью. Каждое воскресенье, зимою въ загъ, а лѣтомъ въ саду, кутаисское общество сходится, а иногда и связывается, въ небольшой и веселый кружокъ. Кто трудится надъ преферансомъ, кто ералашничаетъ, а кто танцуетъ. Прошлый годъ прибытіе къ намъ 13-й дивизіи пополнило число кавалеровъ и оживило общество приливомъ веселыхъ и добрыхъ гостей. Нѣсколько новыхъ лавокъ открылось въ городѣ; стеариновыхъ свѣчъ иногда не доставало. И въ то время, какъ непривѣтные выстрѣлы раздавались на черноморскомъ побережьи, почтовые колокольчики чаще и чаще гремѣли у насъ на улицахъ, веселѣе и веселѣе становилось въ Собраніи; юныя сердца билось, но не отъ страха,—отъ ожиданія; барышнямъ снились такіе отрадныя сны... нѣкоторые изъ нихъ уже и сбывсь, благодаря остроумнымъ снотолкователямъ.

Мудрено-ли, что и канунъ Новаго Года былъ шуменъ и веселъ, не смотря на погоду и грязныя улицы. Общество было одушевленное и непринужденное; кадрили смѣнялись польками, была и лезгинка—краса и торжество граціозныхъ туземокъ, которыя и въ изящно-вышитыхъ тасакрави и съ искусственными цвѣтами на европейской прическѣ также мило склоняли свои головки при звукахъ музыки, также характерно били ногою, проводили руками и выгибали свой тонкій станъ... Однимъ словомъ, все бы обстоило какъ слѣдуетъ, если-бъ мы не замѣтили тутъ отсутствія тѣхъ, кому было обязано это Собраніе и своимъ началомъ и продолженіемъ; не было

того дня какъ онъ образовался, виги и пиллисты были несогласны между собою по многимъ вопросамъ какъ внутренней, такъ и внешней политики, за исключеніемъ вопроса о свободной торговлѣ.

«Тайнымъ поводомъ къ той коалиціи, которая нынѣ управляетъ дѣлами, послужила необходимость собрать въ одно сильное цѣлое всѣ оттенки либеральной партіи для противодѣйствія поднявшимъ голову торіямъ. При распредѣленіи постовъ, почти всѣ мѣста, находящіяся въ связи со внешней политикой и министерствами военнымъ и морскимъ, заняты приверженцами торговой политики покойнаго сэра Роберта Пила. Лордъ Абердинъ поддерживалъ союзъ, заключенный этимъ знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ съ школою манчестерскихъ экономистовъ, съ независимыми либералами и католическою партіей. Съ другой стороны, виги остались вѣрны своимъ аристократическимъ преданіямъ, увѣнчанные лаврами въ своемъ недавнемъ крестовомъ походѣ, противъ кардинала Вайзмана.

«Жалобы на образъ веденія войны и начала, руководившія переговорами, тайно одобряются вигами. Въ особенности лордъ Пальмерстонъ воспользовался непопулярностію, которую хотѣли искусственно навлечь на нѣкоторыхъ изъ его товарищей ихъ политическіе враги. А между тѣмъ, эти жалобы совершенно несправедливы.

«Въ Англии косность бюрократіи такъ сильна, что дѣятельность даже самаго искуснаго и энергическаго министра прерывается и ослабляется прежде, чѣмъ достигнетъ своей цѣли. Ложныя идеи экономіи, поддерживаемыя радикальными ораторами, съ давнихъ поръ парализовали морскія и сухопутныя силы страны. Война застала насъ въ расплохъ не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ отношеніи къ навыку, необходимыхъ для большой войны. И однако всю ответственность слагаютъ на однихъ пиллистовъ. Виги устранились отъ грозы, опасаясь, чтобы она не повредила имъ.

«Пиллисты приняли многія правила новѣйшихъ экономистовъ, понявъ оныя не довольно широко и не довольно философски. Ихъ направленіе требуетъ союза съ демократическимъ оттенкомъ либеральной партіи, между тѣмъ какъ виги всегда были, суть и

вѣчно останутся аристократами. Скорѣе удастся смѣшать масло съ водою, нежели посадить вигу рядомъ съ манчестерскимъ демократомъ.

«Быть можетъ, благородные пиллисты въ глубинѣ души питаютъ тоже отталкивающее чувство, но ихъ начала болѣе сближаютъ ихъ съ школою прогресса, и между ними и г. Кобденомъ болѣе общаго, чѣмъ между г. Кобденомъ и вигами.

«Наша аристократія привыкла также удерживать за собою посты предводителей партій. Она согласится высказывать мнѣнія гораздо болѣе либеральныя, чѣмъ бы желала, лишь бы власть не перешла въ руки талантливаго и умнаго человѣка изъ народной среды или изъ средняго сословія. Вотъ почему, возвышеніе г. Дизраэли составляетъ чудо въ нашей парламентской исторіи.

«Таковы нѣкоторыя изъ причинъ, ослабившихъ узы нынѣшняго разнохарактернаго кабинета. Онъ составилъсь подъ вліяніемъ опасенія, что лордъ Дерби и торіи повредятъ свободной торговлѣ. Опасность эта миновалась, и публика забыла о ней. Если бы война привела къ непосредственнымъ и блестящимъ результатамъ, какихъ ожидали, то популярность замѣнила бы для министерства вліяніе политическое; но несправедливыя предубѣжденія, поддерживаемыя противниками кабинета, уронили его въ общемъ мнѣніи, и нынѣ всѣмъ извѣстно, что виги желали бы избѣжать непопулярности, которую имъ удалось навлечь на пиллистовъ, не будучи въ состояніи исполнить достигнуть этой цѣли.

«Новое министерство, по видимому, неизбежно. Миръ могъ бы удалить этотъ кризисъ, но лишь на время, потому что внутреннія разногласія неизбежно обнаруживаются по вопросамъ внутренней политики.

«Сколько мнѣ извѣстно, недавнія засѣданія кабинета не привели ни къ какому результату. Все зависитъ отъ извѣстій изъ-подъ Севастополя и изъ Вѣны.»

— (Ind. V.) Нѣкоторые лондонскіе журналы приписывали нападки газеты Times на лорда Раглана изгнанію ея корреспондента изъ англійскаго лагеря въ Крыму. Сегодня газета Times формально опровергаетъ этотъ слухъ, объявляя, что никогда не

было рѣчи объ изгнаніи г. Росселя, хотя онъ и высказывалъ вещи, весьма неприятныя для главнаго штаба англійской арміи. По словамъ Times, этотъ корреспондентъ доселѣ находится въ арміи, подъ стѣнами Севастополя.

— (J. de St.-P.) Газета Morning Chronicle, въ отвѣтъ на поэмическія статьи Times, посвящаетъ длинную статью защитѣ лорда Раглана. По мнѣнію этого журнала, дурное положеніе англійской арміи въ Крыму должно быть приписываемо страшному состоянію дорогъ, вредному климату, и въ особенности бурѣ 14-го (2-го) ноября, разомъ уничтожившей всѣ мѣры для сохраненія благосостоянія въ арміи.

«Франція. (J. de St.-P.) Парижъ, января 7-го. Законодательная Палата, за исключеніемъ государственнаго совѣта, обсуживающаго проектъ закона о наборѣ, отдыхаютъ по отсутствію занятій, ибо все вниманіе правительства обращено на войну.

— (J. des Déb.) Въ Sentinelle Toulonnaise, отъ 4-го января, пишутъ:

«Построеніе канонерскихъ шлюпокъ по новому образцу подвигается впередъ. Полагаютъ, что нѣкоторыя изъ нихъ будутъ спущены на воду въ концѣ будущаго февраля, и онѣ немедленно будутъ вооружены.

«Эти суда должны быть готовы въ половинѣ апрѣля. Они присоединятся къ союзнымъ эскадрамъ въ Черномъ и Балтійскомъ морѣ въ теченіе мая, когда начнутся рѣшительныя военныя дѣйствія на морѣ и на сушѣ, если къ тому времени не послѣдуетъ миръ.»

— Въ Indépendance Belge пишутъ изъ Парижа, что въ числѣ причинъ, принудившихъ принца Наполеона возвратиться во Францію, были частыя разногласія между нимъ и генераломъ Канроберомъ.

«Австрія. (N. P. Z.) Вѣна. Гражданскій комиссаръ баронъ Бахъ, прибывшій сюда 3-го января изъ Линца, былъ принятъ на другой день графомъ фонъ-Буолемъ и на дняхъ отправляется опять въ Букарестъ. Совѣщанія объ окончательномъ опредѣленіи отношеній Дунайскихъ Княжествъ къ Портѣ, которыя должны были начаться 1-го с. м., отло-

добрыхъ и всѣми любимыхъ начальниковъ вашей губерніи: одного удержала вдали отъ насъ служба, другаго къ намъ не пустила болѣзнь; куда ни оглядывались мы — всё какъ будто чего-то не доставало; некому было ни улыбнуться, ни сказать нѣсколько остроумныхъ, пріятныхъ словъ, къ которымъ ужъ такъ привыкли здѣсь въ Имеретіи, что безъ нихъ и праздникъ не въ праздникъ. Вотъ, можетъ быть, почему, не смотря на все видимое веселье, мы при встрѣчѣ новаго года нѣсколько встрѣтили нѣсколько скучныхъ и озабоченныхъ лицъ, нѣсколько грустныхъ и неопредѣленныхъ взоровъ, которые мрачно смотрѣли въ даль, какъ будто бы предугадывая, не будетъ ли этотъ годъ для нихъ уже совершенно новымъ отъ головы до ногъ.

Впрочемъ, ктожъ не задумывался и кто не ставилъ передъ собою глубокомысленный знакъ вопроса, встрѣтившись съ чѣмъ либо новымъ, а не только что съ новымъ годомъ? — Здѣсь бы слѣдовало пуститься въ разныя философскія или психологическія размышленія и изслѣдованія, но это ужъ когда нибудь послѣ, а пока — до свиданія!

К. К. К. (*).

Новый годъ въ Ставропольской Губерніи.

У всѣхъ почти народовъ существуютъ для встрѣчи новаго года различныя обычаи и обряды, основанные нѣрѣдко на преданіяхъ, дышащихъ глубокою древностію. Иногда же, всматриваясь въ обычаи и обряды, мы отыскиваемъ въ нихъ скрывающійся историческій фактъ, который казался намъ прежде необъяснимою загадкою. Многіе изъ нашихъ ученыхъ и любителей русской старины посвящали свои труды исключительно собранію народныхъ обычаевъ, существующихъ у племенъ, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ нашего обширнаго Царства; но много еще остается такихъ обрядовъ, которые намъ до сихъ поръ неизвѣстны. Главное затрудненіе въ успѣхъ этого дѣла, какъ намъ кажется, состоитъ, согласно пословицѣ, въ томъ, что *то ни народъ, то порокъ, что ни страна, то обычай*. Опираясь на эту пословицу, мы скажемъ, что Ставропольская губернія, въ отношеніи собранія существующихъ въ ней

обычаевъ и обрядовъ предъ новымъ годомъ, представляетъ большое затрудненіе не потому только, что ея обитатели стеклись со всѣхъ концовъ Православнаго Русскаго Царства, но и по различію племенъ, разсѣянныхъ по губерніи, съ чуждыми между собою понятіями о религіи, окружающимъ ихъ мірѣ и проч.

Главное населеніе Ставропольской губерніи составляютъ русскіе переселенцы.

За тѣмъ Ногайцы, кочующіе въ уѣздахъ: Ставропольскомъ, Патигорскомъ и Кизлярско-Моздокскомъ, подъ именами: Калаусо-Джембулуковскихъ, Калаусо-Саблинскихъ, Бештау-Кумскихъ, Эдисанскихъ, Амикулакъ, Эдисано-Джембулуковскихъ и Кара (чорныхъ) Ногайцевъ. Сверхъ того къ нимъ присоединяются: одноплеменный народъ — Трухмены, кочующіе въ Кизлярско-Моздокскомъ уѣздѣ, и небольшая часть казыларскихъ или шеретовскихъ Татаръ, вышедшихъ изъ калмыцкихъ земель. Казалось-бы, Ногайцы въ правахъ и обычаяхъ не должны имѣть между собою рѣзкихъ особенностей, но если кто такъ думаетъ, тотъ сильно ошибается. Мы упомянули, что Ногайцы въ предѣлахъ Ставропольской губерніи состоятъ изъ шести главныхъ семей, но это не все, — каждая семья подраздѣляется еще на нѣсколько родовъ, нѣрѣдко враждебныхъ другъ другу. Частыя междуусобія и распри, начавшіяся между ногайскими колѣнами съ XVI вѣка, довели это племя до того, что оно, отдѣлившись отъ своей общей семьи, много утратило въ отношеніи древнихъ обычаевъ, такъ напримеръ: Бештау-Кумскіе и Калаусо-Джембулуковскіе Ногайцы, большая часть родственниковъ которыхъ живетъ еще за Кубанью подъ именами Мансуровъ и Наврузовъ, чрезъ частыя сношенія съ Кабардою, приняли много отсюда обычаевъ, нѣкоторые же обряды вышли у нихъ смѣшанными, не похожими ни на кабардинскіе, ни на ногайскіе. Кара-Ногайцы также не сохранили своей самобытности и, подчиняясь обстоятельствамъ, часто жертвовали своими обычаями и принимали новые отъ окружавшихъ ихъ племенъ. Трухмены имѣютъ кое-что общее съ Ногайцами и имѣютъ также немного общаго съ Калмыками. Вотъ теперь, если бы изслѣдователь захотѣлъ узнать самобытность этого народа, онъ потеряется въ его обычаяхъ и обрядахъ и не скоро узнаетъ, съ кѣмъ Трухмены имѣютъ болѣе сходства въ образѣ жизни, такъ какъ у нихъ есть

много кое-чего своего, ни отъ кого заимствованнаго.

Калмыки, занимающіе сѣверо-восточную часть Ставропольской губерніи, раздѣляются на два улуса Большой и Малый Дербетъ. Границею ихъ кочевья отъ Астраханской губерніи служитъ рѣка Манычъ съ своими лиманами, начиная отъ селенія Ново-Егорыцкаго до такъ называемой Ямы прѣсной воды, откуда идетъ прямая линія на югъ до урочища Джеланъ, находящагося на р. Кумѣ. Со стороны Ставропольской губерніи къ калмыцкимъ степямъ примыкаютъ усадебныя земли слѣдующихъ селъ и деревень: Ново-Егорыцкаго, Сандаты, Красной Поляны, Льтницкаго, Привольнаго, Медвѣжья, Преграднаго, Дмитріевскаго, Благодатнаго, Николаевскаго, Камбулата, Сухой Буйволы, Благодарнаго, Покойнаго, Бургонъ-Маджаръ, Кумскаго и Владиміровки. Послѣдователи ламайскаго ученія, остатки грозныхъ полчищъ Аюка-Хана, слѣдуютъ еще преданіямъ и обычаямъ своихъ предковъ, явившихся къ намъ изъ-за волжскаго края. Имя Аюка-Хана, предводителя Монголовъ, живетъ еще въ памяти у многихъ кавказскихъ народовъ, особенно у Ногайцевъ, терпѣвшихъ его иго и дерзкое обращеніе съ ними.

Грузины составляютъ незначительную часть населенія Ставропольской губерніи; главное ихъ пребываніе въ городахъ Кизлярѣ и Моздокѣ.

Осетины живутъ только въ Моздокѣ и окрестностяхъ его. Появленіе ихъ въ этихъ мѣстахъ надобно отнести особой Коммисіи, существовавшей въ прошломъ столѣтіи въ Моздокѣ для обращенія горскихъ племенъ въ Христіанство.

Армяне въ Ставропольскую губернію явились изъ разныхъ мѣстъ: Грузіи, Карабаха, Дербента и другихъ закавказскихъ провинцій, изъ Крыма, — и явились къ намъ уже безъ своихъ старыхъ обычаевъ и обрядовъ. Въ настоящее время главное населеніе Армянъ сосредоточивается въ городахъ: Кизлярѣ, Моздокѣ, Ставрополѣ и Георгіевскѣ, въ мѣстечкахъ Эдесіи (бывшей Касаевой Ямѣ) и Св. Креста.

Исчисляя племена, населяющія Ставропольскую губернію, мы отклонились нѣсколько отъ нашей цѣли, заключающейся собственно въ описаніи обрядовъ и обычаевъ, существующихъ у насъ въ губерніи предъ новымъ и на самый новый годъ. И такъ обратимся теперь къ своему предмету и скажемъ, что намъ извѣстно въ этомъ дѣлѣ.

Новый годъ составляетъ для многихъ глубокое, много-

(*) Т. е. Кутаисскій корреспондентъ Кавказа, которому «Кавказъ» очень признателенъ за его животрепещущую кутаисскую хроникку... но былъ бы еще признателенъ, еслибы интересныя извѣстія не такъ запаздывали, какъ въ этотъ разъ.

жены на неопредѣленное время и будутъ происходить уже не въ Константинополь, какъ предполагалось прежде, а въ Вѣнь.

— (N. P. Z.) Здѣшнія газеты приписываютъ князю Меттерниху слѣдующій отзывъ о настоящемъ положеніи дѣлъ: «Инстинктъ мой ждетъ мира, а разсудокъ—войны.»

Пруссія. (J. de St.-P.) Берлинъ, января 6-го. Въ министерской газетѣ Preussische Correspondenz, въ свою очередь, отдають всю справедливость «спокойному, благородному и примирительному языку» послѣдняго манифеста Его Величества Императора Николая. «Этотъ манифестъ, сказано въ Correspondenz, нѣкоторымъ образомъ излагаетъ политическую програму, которой намѣренъ слѣдовать Монархъ Россіи. Въ главѣ сей программы сказано: «По долгу Христіанства мы не можемъ желать продолженія кровопролитія, и конечно не отклонимъ мирныхъ предложеній и условій, если онѣ будутъ согласны съ достоинствомъ Державы Нашей и пользами любезныхъ Нашихъ подданныхъ.» Эти слова не имѣютъ надобности въ объясненіяхъ. Императоръ явно говоритъ своему народу, что желаетъ скораго окончанія войны, и готовъ для возстановленія мира на всѣ жертвы, совмѣстныя съ требованіями чести. Во многихъ газетахъ описывали самыми яркими красками воинственное расположеніе русскаго народа и С.-Петербургскаго Двора. И однако же вышеупомянутая декларация опровергаетъ всѣ эти увѣренія, и она тѣмъ важнѣе, что въ послѣднихъ рѣчахъ западныхъ государей нѣтъ ни одного миролюбиваго слова. Правда, что русскій манифестъ кончается воззваніемъ къ продолженію усилий, и напоминаетъ изреченіе Императора Александра: «*съ жельзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ*», но эти вооруженія имѣютъ одною цѣлю отразить ожидаемая извнѣ нападенія. И такъ, если война продолжится, то единственно по необходимости и въ видѣ совершенно оборонительномъ. Эти выраженія манифеста, изображающія положеніе Россіи *оборонительнымъ*, даже въ случаѣ продолженія и расширенія круга войны, имѣютъ весьма важное политическое значеніе. Какъ бы то ни было, Императорскій манифестъ не остав-

ляетъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что Россія искренно протягиваетъ руку къ заключенію мира. Намъ остается желать, чтобъ эти недвусмысленныя намѣренія были признаны и оцѣнены *всѣми*.»

Турція. (N. P. Z.) Изъ Константинополя пишутъ въ Триестскую Газету отъ 25-го декабря:

«У союзниковъ здѣсь около 12,000 больныхъ, въ томъ числѣ треть Англичанъ, что не мѣшаетъ французскому Монитеру безпрестанно подбивать насъ самыми благоприятными донесеніями о состояніи здоровья въ восточной арміи; эти донесенія, вѣроятно, составляются изъ многихъ отчетовъ главнаго врача арміи, г. Леви, недавно получившаго орденъ Почетнаго Легіона.—Въ константинопольскомъ портѣ безпрестанно появляются новыя войска. Омеръ-паша самъ отправляется съ своими войсками въ Крымъ. Измаиль-паша, занявшій мѣсто его въ Княжествахъ, еще находится въ Константинополь. Дунайская армія въ самомъ жалкомъ состояніи: вотъ уже шесть мѣсяцевъ какъ ей не выдаютъ жалованья; едва прикрытая одеждой, голодная, она такъ упала духомъ, что съ того времени какъ былъ объявленъ приказъ объ отплытіи въ Крымъ, оказывается весьма много дезертировъ.»

— Въ Zeit сообщаютъ слѣдующія извѣстія изъ Константинополя, отъ 25-го декабря;

«Турецкая армія, въ числѣ 13-ти баталіоновъ, высадилась въ Евпаторію.—Французскій парусный корабль «Сентъ-Луи» привезъ въ Константинополь 10-й пѣхотный полкъ изъ Тулона, а пароходъ «Сюлли» войска и запасы изъ Пирея. Сверхъ того, прибыли большею частію изъ Франціи, разныя другія суда съ войсками, назначаемыми въ Крымъ.—24-го числа въ военномъ министерствѣ собиралась коммиссія изъ англійскихъ и французскихъ офицеровъ по вопросу объ учрежденіи англо-французскихъ патрулей въ Перѣ и Галатѣ: мѣра эта сдѣлалась необходимою, по случаю возрастающихъ безчинствъ, совершаемыхъ матросами обѣихъ націй. Они были причиною, что многіе моряки поражены кинжалами Грековъ, которые не слишкомъ любятъ союзныя войска.»

(P. St. Anz.) Въ вѣнской газетѣ Presse сообщаютъ телеграфическія извѣстія изъ Константино-

поля отъ 28-го декабря, по которымъ Омеръ-паша намѣревался отправиться изъ Варны прямо въ Крымъ, не заѣзжая въ Константинополь. Это извѣстіе подтверждается и въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ, и слѣдовательно извѣстія, сообщенныя прежде въ вѣнскихъ журналахъ о прибытіи и пребываніи Омеръ-паши въ Константинополь, оказываются чистую выдумкою.)

— (J. de St.-P.) Въ одномъ письмѣ изъ Варны, полученномъ въ Вѣнь, сообщаютъ, что ни въ какомъ случаѣ вся турецкая армія не отправится въ Крымъ, ибо бблшая часть этой арміи должна занимать устье Прута и все пространство отъ этого мѣста до Галаца. Турецкія войска, проникшія въ Молдавію до Фокшанъ, снова двинулись вдоль Сетрета, по видимому, съ тою цѣлю, чтобы возстановить сообщенія съ отрядомъ Искендеръ-Бега въ Добруджѣ. Слухи о предстоящемъ прибытіи двухъ французскихъ дивизій не прекращаются.

Персія. Въ газетѣ: روزنامه وقایع اتفاقیه Дневникъ случайныхъ происшествій, отъ 23-го числа Ряби-уль-Еввелл, пишутъ:

Главнѣйшее изъ всѣхъ, возводимыхъ на насъ обвиненій Европейцами, заключается въ томъ, что будто-бы мы безъ всякихъ уликъ и ясныхъ доказательствъ казимъ подозрѣваемыхъ въ какомъ-либо преступленіи лицъ, или наказываемъ ихъ палками по пятамъ. Обвиненія эти лишены всякаго правдоподобія и не имѣютъ никакого основанія. Правительство наше во 1-хъ никого безъ улики и яснаго доказательства въ преступности поступка не приговариваетъ къ наказанію, и во 2-хъ палочныя наказанія допускаются лишь въ отношеніи лицъ, обвиненныхъ въ важнѣйшихъ преступленіяхъ.—Впрочемъ сами Европейцы, имѣющіе въ Персіи свое пребываніе, часто настоятельно требуютъ, чтобы лица, совершившія противъ нихъ какіе либо предосудительные поступки, публично были-бы наказываемы палочными ударами по пятамъ,—наказаніе, считающееся въ нашемъ краѣ несравненно хуже всѣхъ родовъ пытокъ и казней. Можетъ быть подобныя требованія самихъ Европейцевъ послужили поводомъ къ упомянутымъ обвиненіямъ, возводимымъ на Персію.

значительное слово; предъ нимъ часто открываются задушевные мечты искателей лучшаго въ жизни. Встрѣча новаго года русскими поселенцами, какъ и вездѣ во внутреннихъ губерніяхъ, сопровождается почти одними и тѣми же обычаями, какіхъ нибудь весьма рѣзкихъ особенностей незамѣтно. Говорятъ, что въ станицахъ Гребенскихъ и Терскихъ казачковъ (принадлежащихъ большею частію къ старообрядцамъ), есть какія-то особенности, но вѣрно подмѣтить ихъ наблюдателю не удавалось, потому что казаки всегда стараются скрывать ихъ отъ взоровъ чуждаго имъ по обрядамъ человѣка. Русскіе мужички въ губерніи встрѣчаютъ новый годъ желаніемъ другъ другу хорошаго урожая и стараются приобрести для себя въ домъ что нибудь новое, а иначе, по ихъ словамъ, не можетъ быть въ теченіи года удачи въ семейномъ быту.

Относительно свѣдѣній объ обрядахъ, существующихъ у другихъ племенъ на новый годъ, и особенно у племенъ мусульманскаго исповѣданія, мы можемъ сообщить только нѣсколько главныхъ чертъ, рѣзко выдающихся отъ такихъ обычаевъ, которые иногда скрываются однимъ ауломъ отъ другаго. Для точнаго же и вѣрнаго опредѣленія всѣхъ господствующихъ обычаевъ, надобно посвятить нѣсколько лѣтъ дѣятельнаго труда и сдѣлаться на время правовѣрнымъ мусульманиномъ. Ногайцы, съ своими товарищами по религіи, отпраздновали свой новый 1271 годъ еще 10 сентября 1854 года. Встрѣча года, какъ и вообще замѣчательныхъ праздниковъ, сопровождалась у нихъ гульбою, играми и забавами, состоящими преимущественно въ конскихъ скачкахъ, на которыхъ джигиты силились показать свое удалство, такъ много между ними цѣнимое. Что касается до привыкшихъ къ кочевкѣ Трухменъ и вообще до тѣхъ Ногайцевъ, которые считаются плохимъ исполнителями обрядовъ, предписываемыхъ Кораномъ, то для нихъ новымъ годомъ, кажется, служитъ весеннее время, и именно то время, когда они перестаютъ терпѣть холодъ, тѣсясь въ своихъ кибиткахъ, и имѣютъ полную возможность подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться на свои стада, блуждающія по степямъ, покрытымъ обильною травою. У нѣкоторыхъ Ногайцевъ, живущихъ около Пятигорска недалеко отъ Кабарды, есть обычай сходить предъ новымъ годомъ на поклоненіе къ урочищу Татаръ-Тура. Обычай этотъ перешелъ къ нимъ отъ Кабардинцевъ, питающихся до сихъ-

поръ глубокое уваженіе къ курганамъ и остаткамъ, напоминающимъ существованіе близъ Татаръ-Тура какого-то ихъ города. Урочище Татаръ-Тура лежитъ у подошвы хребта Карадага, на западномъ берегу р. Терекъ, въ семи верстахъ ниже рѣчки Комбулея. Развалины въ этомъ урочищѣ считаются также убежищемъ для убійцъ отъ преслѣдованія мстителей; здѣсь же совершались прежде между Кабардинцами всѣ договоры и клятвы, для большей точности ихъ. Обычай сходить на поклоненіе къ Татаръ-Тура предъ новымъ годомъ, какъ мы слышали, дѣлается собственно за неимѣніемъ возможности проникнуть далѣе въ горы, къ мѣсту пребыванія Джинъ-Надишаха, Царя-Духовъ, который, по словамъ Кабардинцевъ, обитаетъ на горѣ Эльбрусъ, а по преданіямъ адигскихъ племенъ—у верховьевъ Большаго Зеленчука. Джигитъ, исполнившій такой обычай, цѣлый годъ будетъ имѣть удачу во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, до него не коснется пуля и шашка мстителя и онъ можетъ надѣяться вполне, что жизнь его протечетъ въ безопасности до тѣхъ поръ, пока не придетъ время исполнить вновь свой вѣковой обычай. При самомъ поклоненіи Джинъ-Надишаху, горцы произносятъ какія-то таинственныя слова и, въ знакъ своего посѣщенія, кладутъ въ ущелье нѣсколько пуль, ножъ или какую либо другую вещь. Для подтвержденія этого обычая мы приведемъ слова одного путешественника, посѣтившаго верховья рѣчки Большаго Зеленчука. Путешественникъ говоритъ: «Въ 1853 году, въ исходѣ іюня мѣсяца, я спустился съ высотъ снѣговаго хребта въ ущелье Большаго Зеленчука, называемаго горцами Эджикъ-су. На самомъ краю спуска на сѣверную сторону хребта чернѣлась гранитная скала четвероугольнаго вида, непокрытая снѣгомъ. Къ этой гранитной скалѣ подошли мои товарищи, мусульмане и христіане, и съ видомъ глубочайшаго смиренія начали класть въ небольшое углубленіе кто ножикъ, кто нѣсколько пуль. И меня заставили привести подобную жертву духу горъ, для того, чтобы онъ насъ безъ обиды перепустилъ черезъ хребетъ и послалъ намъ какую либо дичину. Въ углубленіи скалы находилось множество стрѣлъ, пуль, ножей, шашечныхъ клинковъ и обоюдо-острыхъ мечей, ржавѣвшихъ тамъ съ незапамятныхъ временъ. Но ни одинъ горецъ не рѣшился коснуться этой святыни, страшась разгнѣвать духа горъ.»

(Окончаніе впереди.)

Дневникъ тифлискаго театра.

21-е января 1855.

Въ теченіе послѣдней недѣли мы слышали первый актъ *Фенеллы* и видѣли многое множество танцевъ; потомъ слышали мы *Монтеки* и *Капулетти*, и наконецъ не безъ удовольствія вновь удостоверились, что на грузинскіе спектакли, со времени отдѣленія ихъ отъ русскихъ и итальянскихъ, обращено особое вниманіе не только Дирекціи, но и туземной публики. Вотъ главнѣйшіе факты нашего театральнаго міра за послѣднюю недѣлю. Но исполненіе *Фенеллы*, балетно-бенефисныхъ спектаклей и даже *Монтеки* и *Капулетти*, не представляя ничего особенно замѣчательнаго, и вполне принадлежа къ разряду зрѣлищъ всѣдневныхъ, не останавливаютъ на себѣ вниманія театраловъ, не возбуждаютъ въ немъ охоты дать просторъ перу и своимъ критическимъ воззрѣніямъ. По этому онъ сегодня обратится къ будущему... Будущее часто привлекаетъ къ прошедшаго и *всегда* заманчивѣе, потому что загадочнѣе... По крайней мѣрѣ на этотъ разъ намъ очень заманчива кажется программа бенефиса г. *Шенина*, нашего усерднаго устроителя и распредѣлителя музыкальныхъ наслажденій, нашего неутомимаго капельмейстера, то есть того самаго волшебника, который никогда не являлся *лицемъ къ лицу* публики, все-таки ни одного нашего спектакля не оставилъ безъ своего невидимаго, но всѣми слышимаго, живительнаго и одушевляющаго участія.—Всѣ истинные театралы того убѣждены, что если ужъ кто нибудь заслуживаетъ ихъ безспорнаго и безусловнаго *спасибо*, такъ это конечно тотъ чародѣй, о которомъ мы только что сказали!—И вотъ, недале какъ во вторникъ, 25 января, вѣсьмъ намъ, театраламъ, предстоитъ возможность осуществить на дѣлѣ такое убѣжденіе, и осуществить его съ явною даже для себя выгодой, потому что за посѣщеніе бенефиса г-на *Шенина* мы будемъ въ свою очередь и вполне вознаграждены разнообразіемъ и достоинствомъ спектакля. Программу бенефиса любопытствующіе могутъ видѣть на нижнемъ уголкѣ послѣдней страницы этого газетнаго листа; но нашъ долгъ,—долгъ театрала предъ своими многочисленными тифлисскими собратами,—заставляетъ насъ пополнить программу напоминаніемъ, что имя автора, трудившагося надъ новой передѣлкой водевиля *Медведь и Папа*,—ручается за достоинство пѣсы покрайней мѣрѣ столько-же, сколько и новая, превосходная ея обстановка, и множество вводныхъ, музыкальныхъ и хореографическихъ прибавленій. Короче сказать, бенефисъ обѣщаетъ быть самымъ *бенефиснымъ*, т. е. интереснымъ для публики,—а публика конечно постарается, чтобы онъ былъ столько-же *бенефиснымъ* и для бенефицианта!

Ч.

Какъ бы то ни было персидское правительство, чтобы положить конецъ подобнымъ толкамъ и для большаго правосудія положило, чтобы впредь ни надѣлать, безъ открытiя явной вины, не было произнесено приговора: чтобы наказанiя всегда соответствовали степени вины и ограничивались бы тюремнымъ заключенiемъ и наконецъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ палочные удары и пытки допускаемы не были.

О НАРОДНЫХЪ ПРАЗДНИКАХЪ

И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ОБЫКНОВЕНIЯХЪ ХРИСТИАНСКАГО НАСЕЛЕНIЯ ЗА КАВКАЗОМЪ И ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ТИФЛИСѢ.

(Продолженiе.)

Июль.

Июль мѣсяцъ не изобилуетъ ни церковными, ни народными праздниками въ Закавказскомъ краѣ. Армяно-Католики, какъ и Католики вообще, празднуютъ лишь день *Тѣла Христова* (*Corpus Domini*, *Fête Dieu*, *Boze Sialo*), называемый обыкновенно въ первый Четвергъ послѣ дня Сочестiя Св. Духа. Праздникъ Тѣла Христова не существовалъ въ началѣ христіанства и до XIII вѣка, и только въ этомъ вѣкѣ установленъ въ память Тайной Вечери, для которой у всѣхъ христіанъ существуетъ обрядъ въ Четвергъ на страстной недѣлѣ. Цѣль его установленiя была та, чтобы всенародно чествовать торжество Христа во время появленiя различныхъ сектъ. Булла Папы Урбана IV объ этомъ установленiи состоялась въ 1264 г. и назначила для празднованiя первый Четвергъ послѣ дня Сочестiя Св. Духа, такъ-какъ на страстной недѣлѣ всякое торжество неумѣстно. Въ послѣдствiи (1316 г.) Папа Иоаннъ XIII присоединилъ къ этому празднику *октаву* или осьмицу, вслѣдствiе чего праздникъ продолжается до слѣдующаго Четверга.

Въ Тифлисѣ это католическое торжество празднуется такимъ образомъ: по совершенiи литургiи въ церкви, отправляется процессiя на католическое кладбище, на Сололакскую гору. Шествiе происходитъ торжественно: Настоятель церкви, освѣщаемый балдахиномъ, несетъ Святая Тайны (*sacramentum*) въ сопровожденiи хора музыки и многочисленной толпы закавказскихъ Католиковъ изъ Армянъ и другихъ націй. Передъ толпою идутъ въ два ряда дѣвочки и мальчики, одѣтые въ бѣлыя платья, съ корзинками цвѣтотъ, которые они бросаютъ по дорогѣ. На кладбищѣ устраивается четыре престола для прочтенiя четырехъ Евангелiй. Каждое изъ Евангелiй читается на особомъ языкѣ: одно на латинскомъ, другое на армянскомъ, третье на грузинскомъ и четвертое на польскомъ. Процессiя и чтенiе на 4-хъ языкахъ Евангелiя имѣютъ то символическое значенiе, что Христосъ странствовалъ по городамъ и селамъ, проповѣдуя свое Божественное ученiе всѣмъ языкамъ. Разбрасыванiе цвѣтотъ по дорогѣ знаменуетъ распространенiе благодати (*).

Праздникъ Тѣла Христова очевидно надо отнести скорѣе къ церковнымъ, чѣмъ къ народнымъ праздникамъ, обыкновенно сопровождаемымъ самобытными и своеобразными обычаями.

Въ июль мѣсяцѣ замѣчательно еще празднество у полудника горнаго населенiя Тушино-Пшаво-Хевсурскаго округа, давно уже просвѣщеннаго православiемъ, но не вполне отставшаго отъ грубыхъ предрасудковъ язычества. Праздникъ этотъ называется *Лашарисъ-Джвари*, отъ имени главнаго капища, находящагося неподалеку отъ Тiонетъ за селенiемъ Джавлеби, у подножiя горы Ахади.

Въ Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ находится много капищъ, но Лашарисъ-Джвари главное изъ нихъ, и туземцы называютъ его *великимъ господиномъ* (*გოგო ბებო*); самое названiе *Лашарисъ-Джвари* толкуется двойко: у царицы Тамары былъ сынъ *Георгiй Лаша*; въ честь его, будто-бы, учрежденъ праздникъ. *Джвари* значитъ крестъ. По другимъ толкованiямъ, какой-то монахъ *Лашiani*, что значитъ губастый, на томъ мѣстѣ обращалъ язычниковъ въ христіанство, и праздникъ учрежденъ въ память его. Какъ бы то ни было, подробности самаго праздника заслуживаютъ обстоятельнаго описанiя потому, что вполне характеризуютъ степень нравственно-религiознаго развитiя тушино-пшаво-хевсурскаго населенiя, съ которымъ едва-ли еще разъ встрѣтимся мы въ нашихъ изслѣдованiяхъ.

Въ день праздника Пшавцы съ семействами, горные Хевсуры, Тушины, Кисты, телавскiе Армяне съ багажанами, наполненными мелочнымъ товаромъ, располагаются пѣстрой толпою у подошвы горы Ахади. Капище, или строенiе, сложенное изъ шифернаго камня и освѣщенное огромными чаварами, окружено множествомъ мошельщиковъ,

также изъ дальнихъ и православной Кахетiи. Каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ барана въ ожиданiи очереди, пока *Хевисъ-бери* (старшина ущелья) *деканози* (жрецъ) подойдетъ съ ножемъ, произнесетъ нѣсколько словъ въ родѣ благословенiя и зарѣжетъ жертву. Голова и ноги жертвы отнесены въ средину капища, въ пользу деканози, а остальное сейчасъ-же попадаетъ въ котелъ и потомъ съдается семействомъ мошельщика. Иногда жрецъ поднимаетъ надъ собою зарѣзанную жертву, и машетъ ею по всѣмъ сторонамъ, окропляя кровiю народъ и стѣны капища. Иногда набожные пришельцы подносятъ къ жрецу дѣтей, особенно большихъ, и онъ пальцами лѣвой руки, обмоченными въ кровь, дѣлаетъ у нихъ на лбу знаменiя креста. Между тѣмъ, пока такимъ образомъ происходитъ здѣсь богослуженiе, къ Лашарисъ-Джвари безпрестанно являются деканози изъ другихъ, дальнихъ и ближнихъ капищъ; благоговѣнно неся предъ собою *дроши*, т. е. родъ хоругви, съ колокольчикомъ сверху и съ желѣзнымъ наконечникомъ; его несетъ особо назначенный для этого человекъ, называемый *медроше*. При появленiи *дроши* дикаря обнаруживаютъ глубочайшее благоговѣнiе, наклоняются до земли, дѣлаютъ рукою движенiе вѣвъ груди, какъ-бы творя крестное знаменiе, и даже снимаютъ свои, никогда не снимаемыя, шапки. Иные деканози, въ качествѣ помощниковъ *Хевисъ-бери*, держатъ въ рукахъ серебряные сосуды разныхъ формъ: *азарети*, чаши, кувшины, *кулы* и другую посуду въ родѣ вазъ, молочниковъ, или нашихъ садовыхъ леекъ съ длинной шейкой, и потчуютъ мошельщиковъ виномъ. На всѣхъ сосудахъ есть грузинскiя надписи, гласящiя объ именахъ ихъ пожертвователей и о времени поступленiя въ собственность капища. Иногда изъ набожной толпы выступаетъ на средину площадки какой-нибудь Пшавецъ, начинаетъ кружиться, ходить быстрыми шагами вокругъ народа, дѣлать странныя тѣлодвиженiя и, какъ бѣснующiйся, громкимъ голосомъ произносить едва вытиснутаго слова. Представляя себя воодушевленнымъ прорицателемъ, онъ вызываетъ къ народу, отъ имени Св. Георгiя, укоряетъ толпу въ разныхъ порокахъ, трусости, лжи и другихъ тяжкихъ прегрѣшенiяхъ, и въ заключенiе угрожаетъ всей Пшаво-Хевсурiи страшнымъ бѣдствiемъ, если народъ не принесетъ такой-то жертвы Лашарисъ-Джвари. Тогда всѣ начинаютъ охать, стонать, кланяться; изъ толпы поднимается смѣшанный ропотъ, обвиняютъ другъ друга въ небывалыхъ преступленiяхъ, и наконецъ дѣлаютъ складчину для принесенiя жертвы. Прорицатели эти называются *«каданъ»*, кудесники. Между ними часто встрѣчаются женщины.

По окончанiи праздника въ Лашарисъ-Джвари, упившись вдоволь виномъ, напѣвшись, напьявшись до упаду, народъ отправляется къ капищу царицы Тамары. Тутъ повторяется почти тоже самое, только въ меньшихъ размѣрахъ. Пиромъ оканчивается день, и въ этомъ заключаются не только праздникъ Лашарисъ-Джвари, но и всѣ обряды служенiя тушино-пшаво-хевсурскаго населенiя (*).

Июль.

26 июля—день храмоваго праздника въ *Сурбъ-Каранетъ*, армянской церкви, находящейся вблизи Тифлиса, на чугуретской возвышенности, между Авлабаромъ и Куками. Праздникъ этой церкви посѣщается съ особенной охотою ближайшими жителями изъ Армянъ. Куки (тифлисское предместье) въ этотъ день необыкновенно оживляются; на улицахъ гремѣтъ экипажи, на церковной паперти и на авлабарскихъ высотахъ мелькаютъ лѣчаки (*вуали*), тасакравы (головныя женскiя повязки) и цѣлый день слышится зурна,—туземный оркестръ туземной музыки. Вообще этотъ праздникъ слѣдуетъ отнести къ чисто-церковнымъ; увеселенiя-же и обычаи этого дня не отличаются ничѣмъ особенно знаменательнымъ.

Августъ.

Успенiе. Въ Тифлисѣ Григорiанскiе Армяне празднуютъ день Успенiя Пресвятыя Богородицы съ 13-го числа, на Петханской горѣ въ *Петханскомъ* храмѣ, построенiе котораго относится къ 1537 году (**). Этотъ праздникъ, принадлежа къ числу собственно церковныхъ праздниковъ, отличается большимъ оживленiемъ, многолюдствомъ и, какъ

(*) Указъ г. Зиссермана.

(**) См. газ. «Кавказъ» 1850 г. № 65.

картина туземнаго быта, изобилуетъ характеристическими местными красками. Въ этомъ отношенiи Петханскiй праздникъ можетъ служить полнымъ образцомъ большей части церковныхъ торжествъ Тифлиса.

Во время литургiи въ храмѣ выставляется Икона Божiей Матери; богомольцы сѣдаютъ приложиться къ ней, или поставятъ свѣчу, или положить у подножiя ея свою ушерную ленту. Выходя изъ храма, толпы богомольцевъ остаются гулять вблизи его. Нѣкоторые заходятъ въ кельи, устроенныя подъ палаткою, гдѣ живутъ по нѣскольку дней, а иногда и по нѣскольку мѣсяцевъ, больные въ чашiи выздоровленiи подъ стѣною храма, посвященнаго Матери Божiей.

У православныхъ жителей Закавказья праздникъ Успенiя торжествуется 15 августа, и въ особенноты это торжество замѣчательно въ *Марткопи*, и въ Свято-Троицкомъ *Алевскомъ* монастырѣ, лежащемъ на сѣверо-западъ отъ г. Душета, въ Ксанскомъ ущельи. Известно, что въ Грузiи множество церквей и разрушенныхъ монастырей, къ которымъ любятъ ходить народъ, движимый то благочестiемъ, то желанiемъ повеселиться, побыть въ большомъ и разнообразномъ обществѣ.

(Продолж. въ слѣд. №.)

ОБЪЯВЛЕНIЯ.

Желающихъ имѣть, на половинныхъ прогонахъ, полуптика въ Москву и другiе города, по тракту лежащiе, проситъ объявить объ этомъ въ Типографiи Канцелярiи Намѣстника Кавказскаго.

Продается пахатная, сѣнокосная и лѣсная ЗЕМЛЯ, находящаяся въ Горiйскомъ уѣздѣ между сел. Ахалубани и сел. Вака, заключающая: пахатной и сѣнокосной 350-дневнаго паханья и лѣсной 200-дневнаго паханья, всего 550-дневнаго паханья (или 295 десятин); землю эту перестѣкаютъ двѣ рѣки Кура и Сурами, въ которыхъ производится изобильная рыбная ловля; желающiе купить могутъ обратиться лично или письменно къ владѣльницѣ оной, вдовѣ капитана, Ульянѣ Силвановнѣ Черепановой, живущей Тифлискаго уѣзда въ ур. Бѣлый Ключъ, гдѣ могутъ видѣть документы на владѣнiе землею и узнать о цѣнѣ оной.

ПРИЪХАЛИ: января 16-го: изъ Эривани подполковникъ *Лихутинъ*. 17-го: изъ Александрополя коллежскiй ассесоръ *Быковъ*. 18-го: изъ Эчмиадзина подполковникъ *Лихутинъ*, изъ Эривани докторъ медицины *Линкевичъ*. 19-го: изъ С.-Петербурга капитанъ *Божановскiй* иал. Елисаветноля стат. сов. *Попейко*. 20-го: изъ Елисаветополя иал. сов. *Амцроявъ*, изъ Царскихъ Колодезей полков. *Опочининъ*, изъ Душета подполковникъ *Филипповъ*, изъ Бѣлыхъ Ключей майоръ *Везировъ*, изъ Александрополя генералъ-майоръ графъ *Ниродъ*, полковникъ *Шостагъ*, полковникъ *Полка*.

ВЫЪХАЛИ: января 17-го: въ Александрополь генералъ-лейтенантъ князь *Гатаринъ*, въ Ахалкалаки полковникъ и подпоручикъ князя *Тарханъ-Моуравовъ*, въ Душетъ подполковникъ *Филипповъ*. 19-го: въ Душетъ генералъ-майоръ *Ломавъ*. 20-го: въ Москву подполковникъ *Сосновскiй*, въ Кутаисъ коллежскiй ассесоръ *Леусъ*. 21-го: въ Александрополь генералъ-майоръ *Трегубовъ*, въ Телавъ войсковой старшина *Ковыковъ*, въ Сигнахъ титулярный совѣтникъ *Мадатовъ*.

ТИФЛИССКIЙ ТЕАТРЪ.

Въ воскресенье, 23-го января: МОНТЕККИ и КАПУЛЕТТИ—музыка соч. Беллини. ПУСТЯКИ—шутка-водевиль. Танцы. Во Вторникъ, 25-го января: *Бенефисъ* г-на Шеннига, МЕДВѢДЬ и ПАША—водевиль въ одномъ дѣйствiи, соч. Скриба. ЗАВТРАКЪ у ПРЕДВОДИТЕЛЯ—комедiя соч. Тургенева. ПОЛКОВНИКЪ СТАРЫХЪ ВРЕМЕНЪ—водевиль. Танцы.

Метеорологическiя наблюденiя.

Мѣсяцъ и число по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.		Сирость воздуха.	Барометръ при 13½ Р° Русс. полуш.и.	Направленiя вѣтра.	Состоянiе неба.	темпер. Р.ом.	
		Сухой.	Смоч.					Ночь.	День.
18-го Января.	7 утра.	— 1,1	— 1,8	0,54	568,45	С. сла.	Обл. разс.	— 1,8	+ 8,0
	1 попол.	+ 6,5	+ 3,8	0,58	568,15	СЗ. слаб.	Обл. разс.		
	9 вечер.	+ 3,9	+ 2,3	0,71	569,24	Тихо.	Обл. разс.		
19-го Января.	7 утра.	+ 0,7	— 0,2	0,81	569,25	СЗ. слаб.	Обл. вѣст.	— 0,4	+ 8,1
	1 попол.	+ 7,4	+ 5,0	0,63	568,41	СЗ. оч. слаб.	Обл. топка.		
	9 вечер.	+ 6,2	+ 3,8	0,61	567,90	С. утвр.	Облачно.		
20-го Января.	7 утра.	+ 4,4	+ 3,1	0,77	569,40	СЗ. сильн.	Облачно вѣр. д.	+ 3,5	+ 5,8
	1 попол.	+ 5,8	+ 3,2	0,58	569,97	СЗ. сильн.	Облачно.		
	9 вечер.	+ 3,6	+ 2,3	0,76	572,97	З. оч. слаб.	Облачно.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЪ. 22-го Января 1855. Цензоръ А. ЭБЕЛИНГЪ. Въ Типографiи Канцелярiи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ Е. ВЕРДЕРЕВСКIЙ.

Къ этому № слѣдуетъ прибавленiе.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Приказъ Главнокомандующаго Военными Сухопутными и Морскими силами въ Крыму.

Бивуакъ у Сѣвернаго укрѣпленія Севастополя, Октября 29-го дня 1854 года.

Государь Императоръ, душою и сердцемъ постоянно съ нами, не перестаетъ обращаться къ намъ съ Монаршимъ Своимъ отеческимъ словомъ. — Вотъ что повелѣлъ Онъ, въ рескриптѣ на мое имя, отъ 18-го числа, сказать вѣрнымъ мнѣ войскамъ:

«Надѣюсь на милость Божию; надѣюсь, что начатое славно довершится. — Меня счастливитъ геройская стойкость нашихъ несравненныхъ моряковъ, неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Господь воздастъ имъ за всѣ ихъ доблестные подвиги, которымъ и примѣру еще не бывало.

«Я счастливъ, что зная Моихъ моряковъ-Черноморцевъ съ 1828 года, бывъ тогда очевидцемъ, что имъ никогда и ничего нѣтъ невозможнаго, былъ увѣренъ, что эти несравненные молодцы вновь себя покажутъ, какими всегда были и на морѣ и на сушѣ. — Скажи имъ *всѣмъ*, что ихъ старый знакомый, всегда ихъ уважавшій, ими гордится и всѣхъ отцовски благодаритъ, какъ Своихъ дорогихъ и любимыхъ дѣтей.

«Вѣроятно Дѣти Мои придутъ еще во-время, чтобы участвовать въ готовящемся; надѣюсь, что Они покажутся достойными своего званія; вѣрнѣе Ихъ войскамъ въ доказательство Моей любви и довѣренности; пусть Ихъ присутствие среди васъ замѣнитъ Меня.

«Да хранитъ васъ Господь Великосердый!»

Товарищи! вы уже знаете, что Дѣти нашего Царя теперь съ нами; вы видѣли, что подъ неприятельскимъ огнемъ, Они были *истинно Русскими молодцами*.

Кто же изъ насъ не захочетъ оправдать довѣренности Государя, Который въ замѣнъ Себя, прислалъ дорогихъ Ему и всей Россіи Сыновей?

Достойнымъ отвѣтомъ нашимъ на всѣ милости Царя, можетъ быть только непоколебимое до конца исполненіе нашего святаго долга Царю, Вѣрѣ и Отечеству.

Исполнимъ же его!

Приказъ этотъ прочесть всѣмъ нижнимъ чинамъ, во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ.

Подписалъ: *Генералъ-Адъютантъ Князь Меншиковъ.*

(*Морск. Сборн.*)

За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадутъ.

Въ кровопролитномъ сраженіи противъ Турокъ, 19-го ноября 1853 года, на Башкадыкларскихъ высотахъ, при рѣшительномъ натискѣ на неприятеля, рядовой Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка *Григорій Озеровъ*, въ числѣ первыхъ, врубился въ ряды Турокъ, гдѣ, будучи окруженъ неприятельскими ударами, храбро отбилъ отъ нихъ и успѣлъ прижнуть къ своимъ.

Въ этомъ неравномъ бою Озеровъ получилъ *двадцать четыре* раны, въ томъ числѣ: *два* пулями въ обѣ руки, *шесть* саблями въ голову, *четыре* саблями же въ лѣвую руку, и пиками: *пять* въ бока, *четыре* въ шею и *два* въ ноги; сверхъ того, у правой руки отрублено *четыре* пальца.

Крѣпкая натура и молодая лѣта (28 лѣтъ), и искусство медиковъ сдѣлали чудо. Озеровъ вылезъ отъ ранъ, но, какъ вовсе неспособный къ службѣ, былъ уволенъ въ отставку, съ производ-

ствомъ въ унтеръ-офицеры и отпущенъ на родину (*), при чемъ Командовавшій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-отъ-Кавалеріи Реаль, ходатайствовалъ объ отпускѣ Озерову, по смерти его, солдатскаго пайка и о назначеніи ежегоднаго пособия въ видѣ пенсіи — самый высшій размѣръ этой пенсіи, по существующимъ положеніямъ, составляетъ для увѣчныхъ унтеръ-офицеровъ 57 руб. 14½ коп. сер. въ годъ.

По докладѣ о семъ Его Величеству, Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: унтеръ-офицеру Озерову выдать одновременно въ пособіе *триста рублей серебромъ*, изъ Государственнаго Казначейства; отпускать солдатскій паекъ и, сверхъ того, производить изъ Инвалиднаго капитала пенсію по *сту рублей сереб.* въ годъ пожизненно, въ награду за геройскій подвигъ Озерова и стойкость противъ неприятеля, и въ уваженіе полученныхъ 24-хъ ранъ.

(*Р. И.*)

Нѣкоторыя подробности о смерти вице-адмирала Корнилова.

Редакція Морскаго Сборника получила слѣдующія подробности о геройской смерти вице-адмирала Корнилова, описанныя очевидцемъ лейтенантомъ Жандромъ: «Въ шесть съ половиною часовъ утра 5-го октября 1854 г., когда началось бомбардированіе Севастополя, генералъ-адъютантъ Корниловъ поскакалъ на бастионъ № 4-й, гдѣ, подъ сильнымъ огнемъ, подходилъ къ каждому орудію, толкавалъ комендорамъ куда цѣлить, одушевлялъ каждого человека. Потомъ онъ поѣхалъ по линіи съ 4-го на 5-й бастионъ, и я слышалъ какъ солдаты батальона Тарутинскаго полка, бывшаго въ этотъ день по очереди въ траншеѣ между 4-мъ и 5-мъ бастионами, называли нашего адмирала *истиннымъ молодцомъ*. На 5-мъ бастионѣ Владимиръ Алексѣевичъ осматривалъ дѣйствіе каждого орудія, и когда командиръ бастиона, капитанъ-лейтенантъ Ильинскій, боявшійся за жизнь адмирала, рѣшился сказать ему: «Ваше Превосходительство, зачѣмъ вы ѣздите по бастионамъ? Вы насъ обижаете; вы доказываете тѣмъ, что вы не увѣрены въ насъ; я васъ прошу отсюда уѣхать, я вамъ ручаюсь исполнить свой долгъ», — онъ отвѣчалъ: «А зачѣмъ же вы хотите мѣшать мнѣ исполнить свой долгъ? мой долгъ видѣть всѣхъ.» И вслѣдъ за тѣмъ онъ взшелъ на площадку надъ казематомъ бастиона, куда сосредоточенъ былъ огонь противоположныхъ французскихъ батарей. Замѣтивъ, что на бастионахъ остается немного воды, адмиралъ отдѣлилъ двухъ офицеровъ своего штаба для наблюденія, чтобы въ водѣ не было недостатка; трое другихъ заранѣе были назначены для снабженія батарей снарядами; послѣднее особенно заботило Владимира Алексѣевича и онъ самъ входилъ во всѣ подробности доставленія оныхъ. Въ десятомъ часу генералъ-адъютантъ Корниловъ еще разъ былъ на 4-мъ бастионѣ, чтобы взглянуть на общій ходъ дѣла, такъ какъ этотъ бастионъ находится въ центрѣ нашей позиціи. Въ это время французскій пороховой погребокъ уже былъ взорванъ, и огонь французскихъ батарей сдѣлался замѣтно слабѣе. Съ 4-го бастиона Владимиръ Алексѣевичъ поѣхалъ къ бомбической батарее, устроенной на бульварѣ и потомъ чрезъ бульваръ и Театральную площадь, вокругъ Южной бухты, на бастионъ № 3-й, а оттуда по линіи на Малаховъ курганъ. На 3-й бас-

тионъ преимущественно были направлены въ этотъ день усилія неприятеля: ядра и бомбы англійскихъ батарей, дѣйствовавшихъ перекрестнымъ огнемъ, изрыли выдающуюся надъ ущельемъ Южной бухты площадку, на которой поставленъ 3-й бастионъ; но адмиралъ тихо и спокойно говорилъ съ каждымъ, улыбаясь, когда ему напоминали объ опасности, которой онъ подвергался такъ рѣшительно. Малаховымъ курганомъ называется возвышенность, между Ушаковою балкой и оврагомъ, идущимъ отъ доковыхъ воротъ къ юго-востоку. Съ западной и южной стороны она крутая, къ востоку оканчивается отлогою покатою, идущею до Килень-Балки, а къ сѣверу также отлого спускается до Ушаковой Балки. На вершинѣ этого холма, командующаго окрестной мѣстностью и даже городомъ, воздвигнута въ нынѣшнемъ году башня, служащая опорною точкой оборонительной линіи, между 2-мъ и 3-мъ бастионами. Передъ началомъ бомбардированія башня обнесена отъ запада къ югу до сѣверо-востока траншеями, а къ сѣверо-западу, шагахъ въ пятидесяти отъ нея, поставлена батарея въ восемь орудій большаго калибра, для обстрѣливанія фаса 3-го бастиона. Далѣе къ сѣверо-западу, по отлогости Малахова Кургана и у подошвы его, между Ушаковою Балкою и доками, расположена Корабельная Слободка. Поднимаясь отъ мѣста Доковаго Оврага къ Малахову Кургану, адмиралъ былъ встрѣченъ громкими ура 44-го Флотскаго Экипажа. «Будемъ кричать ура тогда», сказалъ Владимиръ Алексѣевичъ, обращаясь къ стоящему во фронтѣ экипажу, «когда собьемъ англійскія батареи, а теперь покаместъ только эти замолчали.» При этомъ адмиралъ указалъ на французскія батареи, которыя уже прекратили огонь. На Малаховомъ Курганѣ адмиралъ сошелъ съ лошади, за брустверомъ батареи въ восемь орудій, о которой я говорилъ выше, и пошелъ къ башнѣ. Войдя въ первый этажъ, онъ нашелъ удобнымъ перевязывать тамъ раненыхъ, и приказалъ послать за докторомъ на ближайшій перевязочный пунктъ, въ Корабельную Слободку; онъ хотѣлъ идти и на верхъ башни, но контръ-адмиралъ Истоминъ доложилъ, что, по его приказанію, прислуга верхнихъ орудій сошла внизъ. Въ это время ядра и бомбы съ трехъ англійскихъ кораблей летѣли на Малаховъ Курганъ одно за другимъ. Англійскій плѣнный потомъ рассказывалъ намъ: «мы видѣли, какъ убили вашего генерала около башни.» Эти слова подають поводъ думать, что враги умышленно усиливали огонь на ту батарею, куда приѣзжалъ Владимиръ Алексѣевичъ, котораго они не могли не узнать по его генералъ-адъютантской шинели, фуражкѣ и его гнѣдой, съ бѣлою гривой, лошади, на которой ежедневно посѣщалъ онъ батареи, и нѣсколько разъ выѣзжалъ далеко впередъ нашихъ аванпостовъ, съ большою свитою. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа, адмиралъ пошелъ отъ башни къ брустверу, за которымъ стояла его лошадь, съ тѣмъ, чтобы ѣхать къ Бутырскому полку, расположенному около Ушаковой Балки; но не успѣлъ дойти трехъ шаговъ до бруствера, какъ ядро раздробило ему лѣвую ногу у самага живота. Нѣсколько офицеровъ бросились къ нему, и подняли его на руки... «Отстаивайте же Севастополь!» сказалъ онъ намъ. Мы положили его за брустверомъ, между орудіями, и скоро онъ обезпамятѣлъ: ни крика, ни стона его никто не слышалъ. Когда пришли два медика съ перевязочнаго пункта, и принялись за перевязку, я поскакалъ въ госпиталь за носилками, а оттуда къ вице-адмиралу Нахимову и къ генералъ-лейтенанту Моллеру — сообщить имъ печальную вѣсть. Болѣе я не видалъ въ живыхъ нашего адмирала.

(*Морск. Сборн.*)

(*) Унтеръ-офицеръ Озеровъ поступилъ на службу 2-го января 1847 года изъ крестьянъ Кавказской области, Ставропольскаго округа, села Сладовки, а 28-го апрѣля 1854 года уволенъ за неспособностію въ отставку; всего состоялъ въ службѣ 7 лѣтъ и 3 мѣсяца.

Еще подробности о смерти генерал-адъютанта Корнилова, доставленного капитаном-лейтенантом Поповым.

Накануне знаменитаго въ военныхъ дѣлѣхъ дня, 5-го октября, я поздно вечеромъ былъ съ докладомъ у вице-адмирала Корнилова. Озабочиваясь снабженіемъ безчисленной артиллеріи, раскинутой по бастионамъ и батареямъ Севастополя, адмиралъ далъ мнѣ нѣсколько наставленій относительно возложенной имъ на меня обязанности: удовлетворенія всѣхъ нуждъ по артиллерійской части; между прочимъ онъ приказалъ мнѣ на случай недостатка поддоновъ къ гранатамъ и бомбамъ, замѣнять ихъ двумя крацевыми пыжами, станутыми голландскою ниткой, предварительно испробовавъ этотъ способъ. Ожидая канонады на другой день, онъ, прощаясь со мною, сказалъ: «завтра будетъ жаркій день; Англичане употребятъ всѣ средства, чтобы произвести полный эффектъ; я опасаясь за большую потерю отъ непривычки, впрочемъ наши молодцы скоро устроятся: безъ урона же сдѣлать ничего нельзя, а жаль, многіе изъ насъ завтра слягутъ.» Когда я напомнилъ ему приказаніе Государя: чтобы онъ берегся, онъ отвѣчалъ: «Не время теперь думать о безопасности; если завтра меня гдѣ нибудь не увидятъ, то что обо мнѣ подумаютъ?» Опасаясь опоздать къ адмиралу, въ случаѣ его раняго выѣзда, я до разсвѣта отправился на 4-й бастионъ съ штабсъ-капитаномъ Пестичемъ, чтобы попробовать гранаты съ крацевыми. Окончивъ опытъ уже по открытіи канонады, я спѣшилъ къ адмиралу, чтобы застать его дома, но пріѣхавъ къ нему—уже не нашелъ его: съ первымъ выстрѣломъ онъ поскакалъ по бастионамъ. Отправясь опять на 4-й бастионъ, я долго не могъ отыскать его за дымомъ, и встрѣтился съ нимъ по возвращеніи его съ 5-го бастиона, около барака, расположенныхъ на 4-мъ. Онъ съ улыбкою встрѣтилъ мое поздравленіе съ началомъ канонады. Садясь на лошадь, чтобы провожать его, я ему сказалъ, что уже болѣе часа какъ его отыскиваю, и что вѣроятно многіе ожидаютъ его распоряженій, а потому и надобно ему возвратиться домой; онъ согласился на этотъ доводъ, внушенный мнѣ естественнымъ безпокойствомъ за его жизнь. Входя въ свой кабинетъ, онъ послалъ за офицеромъ, назначеннымъ курьеромъ къ отправленію въ Николаевъ, и торопливо дописавъ нѣсколько строкъ своего письма, которое онъ обыкновенно писалъ въ родъ журнала, къ своей супругѣ, запечаталъ его и отдалъ курьеру; потомъ снявъ съ себя золотыя часы, доставшіеся ему отъ его отца, онъ вручилъ ихъ этому офицеру съ словами: «Передайте, пожалуйста, жень, они должны принадлежать старшему сыну; боюсь, чтобы здѣсь ихъ не разбить.» Наскоро напившись чаю, онъ хотѣлъ ѣхать на лѣвый флангъ, но я опять уговорилъ его повременить, предложивъ посмотреть канонаду съ террасы дома.—Взойдя на верхъ, онъ приказалъ мнѣ спѣшить всеми мѣрами къ снабженію батарей зарядами и снарядами, прибавивъ: «Я боюсь, что никакихъ средствъ не достанетъ для такой канонады.» Въ двѣнадцатомъ часу мичманъ Скарятинъ прискакалъ на Екатерининскую пристань, главное артиллерійское депо, гдѣ я тогда находился, и передалъ мнѣ ужасную вѣсть о ранѣ адмирала, прибавивъ, что онъ требуетъ меня къ себѣ. Тотчасъ же бросившись на катеръ, я поѣхалъ къ доковымъ воротамъ, откуда поднявшись къ мосту, узналъ, что адмирала перенесли въ госпиталь. Мгновенно явившись къ носилкамъ, которыя были поставлены въ одной изъ комнатъ госпиталя, я съ рыданіями бросился къ нему. Узнавъ меня, онъ повторялъ: «Не плачьте, Поповъ», и старался меня утѣшить, говоря: «Рана моя не такъ опасна, Богъ милостивъ, я еще переживу поражение Англичанъ.» Несмотря на усилія перенести боль хладнокровно, страшныя мученія отъ раны заставляли его часто вскрикивать. Подозвавъ доктора Павловскаго, онъ

просилъ его облегчить боль желудка; нѣсколько ложекъ горячаго чаю успокоили его; взявъ меня обѣими руками за голову, онъ произнесъ: «Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна.» Потомъ повременивъ, онъ продолжалъ: «Благослови, Господи, Россію и Государя, спаси Севастополь и Флотъ.» Черезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ въ комнату контръ-адмиралъ Истомино, за которымъ онъ также посылалъ. Успокоивъ Владимира Алексѣевича относительно хода дѣлъ на бастионѣ, Истомино выразилъ надежду, что рана не смертельна. «Нѣтъ, туда, туда къ Михаилу Петровичу!»—былъ его отвѣтъ. Попросивъ благословенія Владимира Алексѣевича и получивъ его, Истомино бросился ему на шею, и расплаканный побѣжалъ на бастионъ. Услышавъ отъ докторовъ приговоръ немедленной смерти, я спѣшилъ предложить Владимиру Алексѣевичу причаститься Святыхъ Таинъ; но онъ отвѣчалъ, что уже исполнилъ этотъ долгъ христіанина на перевязочномъ пунктѣ. Желая напомнить ему, предъ смертью, о его супругѣ и, опасаясь, чтобы вопросъ не обнаружилъ ему послѣднихъ минутъ жизни, я спросилъ его: не хочетъ ли онъ, чтобы послать въ Николаевъ курьера къ ней, чтобы она пріѣхала. Тотчасъ понявъ настоящую цѣль моего вопроса, онъ пожалъ мою руку и сказалъ: «Неужели вы меня не знаете? смерть для меня не страшна; я не изъ тѣхъ людей, отъ которыхъ надо скрывать ее. Передайте мое благословеніе жень и дѣтямъ. Кланяйтесь князю, и скажите генералъ-адмиралу, что у меня остаются дѣти.»—Докторъ Павловскій, не рѣшаясь прямо дать ему капли для успокоенія желудка, предложилъ выпить еще нѣсколько ложекъ чаю съ тѣмъ, чтобы съ чаемъ дать ему капли. Догадавшись объ этомъ извинительномъ обманѣ, онъ сказалъ: «Напрасно вы это дѣлаете, докторъ; я не ребенокъ и не боюсь смерти; говорите прямо, что надо дѣлать, чтобы провести нѣсколько спокойныхъ минутъ.» Принявъ лекарство, онъ успокоился, благословилъ меня и какъ будто задремалъ; въ это время пришелъ лейтенантъ Львовъ, съ извѣстіемъ, что англійскія батареи сбиты, остались только два орудія; я не хотѣлъ безпокоить Владимира Алексѣевича, но онъ услышавъ шумъ за дверью, спросилъ меня, «что тамъ такое?» Я разсказалъ ему; въ отвѣтъ на это, собравъ послѣднія силы, произнесъ онъ: «ура! ура!» потомъ забылся, чтобы не пробуждаться болѣе. Черезъ нѣсколько минутъ его не стало... Общее отчаяніе, общія слезы сопровождали его въ могилу. Узнавъ о его кончинѣ, раненыя, презирая собственныя страданія, плакали, потерявъ любимаго начальника. Смотритель госпиталя майоръ Комаровскій, все время почти отъ него не отходившій, старшій докторъ Г. Павловскій, человекъ, двое гребцовъ его гички и я, вотъ свидѣтели послѣднихъ минутъ адмирала. Носилки, на которыхъ покоился отшедшій въ вѣчность, были тихо подняты мною и гребцами; мы понесли его въ Михайловскую церковь. По выходѣ изъ госпиталя, насъ окружили нѣсколько юнкеровъ нашей школы; они вмѣстѣ со мною донесли прахъ адмирала до церкви, не уступая никому этой части. Вмѣсто единодушнаго, неумолкаемаго «ура», которымъ постоянно вездѣ встрѣчали Владимира Алексѣевича въ послѣднее время въ Севастополь, теперь попадавшіеся намъ узнавали о его смерти со слезами и рыданіями.

На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ генералъ-адъютантъ Владимиръ Алексѣевичъ Корниловъ, сложенъ крестъ изъ непріятельскихъ бомбъ и ядеръ.

(Морск. Сборн.)

Списокъ гг. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ сухопутныхъ войскъ, убитымъ и умершимъ отъ ранъ во время настоящихъ военныхъ дѣйствій.

8-го сентября въ сраженіи на р. Альмѣ. 14-й пѣхотной дивизіи: Мяскаго пѣхотнаго полка капитанъ Волжанскій 1-й, убитъ; штабсъ-капитаны:

Рудковскій, убитъ; Чернушенко, умеръ отъ ранъ; Тимошенко 2-й, убитъ; поручикъ Фотушскій 2-й, убитъ; Герцо-Виноградскій, убитъ; Воробьевъ 1-й, убитъ; подпоручики: Левицкій, убитъ; Олейдскій, убитъ; Гориковъ, убитъ; Полонскій 3-й, убитъ; прапорщикъ Дмитриевъ, убитъ.

16-й пѣхотной дивизіи: командиръ 1-й бригады той-же дивизіи, генералъ-майоръ Щелкановъ, умеръ отъ ранъ. Владимирскаго пѣхотнаго полка, майоры: Эльснеръ, убитъ; Шванебахъ, убитъ; капитаны: Якушевскій, убитъ; Самойловичъ, убитъ и штабсъ-капитанъ Степановъ 2-й, убитъ; поручики: Дуринъ убитъ; Мустафинъ, убитъ; Подпоручики: Скульскій, убитъ; Деманскій, убитъ; Гайдовскій-Потановичъ, убитъ; Калущинъ, убитъ; прапорщички: Шацкій, убитъ; Гайковичъ, убитъ. Суздальскаго пѣхотнаго полка, капитанъ Корниловъ убитъ.

17-й пѣхотной дивизіи: командовавшей 2-й бригадою 17-й пѣхотной дивизіи, генералъ-майоръ Гошиновъ, умеръ отъ ранъ. Прикомандированный къ генеральному Штабу, Кирасирскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны полка, ротмистръ Жолобовъ, умеръ отъ ранъ. Бородинскаго егерскаго полка, командиръ полка, полковникъ Вережкинъ-Шелюта 2-й, умеръ отъ ранъ; майоръ Дурново, убитъ. Углицкаго егерскаго полка, штабсъ-капитанъ Колмаковъ, убитъ. Егерскаго Ея Императорскаго Высочества, Великаго Князя Михаила Николаевича полка: командиръ полка, полковникъ Селезневъ, убитъ; майоры: Млюковъ, убитъ; Копкиль, убитъ; капитаны: Зубчиновъ, убитъ; Плехановъ, убитъ; штабсъ-капитанъ Пырксовскій, убитъ; подпоручики: Яхонтовъ, убитъ; Архашельскій, убитъ; Илатьевъ, убитъ; прапорщички: Ступинъ, убитъ; Лютикъ, убитъ. 5-го резервнаго баталіона Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка, поручики: Ризяка, умеръ отъ раны; Федоренко 1-й, убитъ. 14-й артиллерійской бригады, командиръ легкой № 3-го батареи капитанъ Климантовичъ, убитъ.

(Р. И.)

Русскіе пленные морскіе чины въ Турціи.

Лодь-судно «Алука», развозившее подъ транспортнымъ флагомъ масло по черноморскимъ маякамъ, осенью 1853 года, было занесено бурей въ Босфоръ, и попало тамъ въ плѣнъ.—Послѣ того приняты были возможныя мѣры къ облегченію участи пленныхъ, а нынѣ получены о нихъ слѣдующія свѣдѣнія: На шкунѣ «Алука» взяты въ плѣнъ: Командиръ оной, Ластовыхъ экипажей Поручикъ Василій Давыдовъ, кондукторы: Корпуса Штурмановъ Петръ Сорокинъ и Александръ Демьяновъ; Корпуса Морской Артиллеріи Василій Анкидевъ; фельдшеръ Тарасъ Холоденко; унтеръ-офицеры 4-го Ластоваго Экипажа Филипп Петровъ и Дмитрій Дементьевъ; вахтеръ Павелъ Дьяченко; матросы: Трофимъ Кушнеренко, Иванъ Даниловъ, Ефимъ Патенко, Илья Васильевъ, Доминикъ Круль, Гудзь Тереченко, Климъ Васильевъ, Петръ Ручковъ, Антонъ Марковичъ, Антонъ Плотинскій, Лука Морозовъ, Викентій Новозагъ, Андрей Паршинъ, Миронъ Ивановъ. Сверхъ того взяты на той же шкунѣ и послѣ умерли, отъ хроническихъ болѣзней, въ турецкомъ госпиталѣ: 4-го (16-го) августа 1854 г. матросъ Яковъ Нечетаевъ и 22-го сентября (4-го октября) 1854 г., вахтеръ Иванъ Кузьминъ. Встарину пленные содержались въ Константинополѣ весьма дурно, въ арсеналѣ, вмѣстѣ съ преступниками. Нынѣ помянутые русскіе пленные живутъ въ казармѣ турецкихъ морскихъ войскъ и получаютъ такое же продовольствіе, какое получаютъ турецкія войска: поручикъ Давыдовъ—наравнѣ съ офицерами, а нижніе чины—наравнѣ съ солдатами. Поручикъ Давыдовъ имѣетъ особенную комнату, а матросы помѣщены близъ него.—Матросы занимаются шитьемъ бѣлья, получая за это плату наравнѣ съ турецкими портными, и имѣя позволеніе гулять по корридору казармы. Пленные наши просили объ исходатайствованіи имъ: 1) дозволенія ходить постоянно въ Православную Греческую церковь, 2) прогуливаться по двору и 3) возвратитъ имъ собственныя ихъ вещи, расхищенныя при задержаніи шкуны. Первые два пункта имъ общаны, по третьему производится изслѣдованіе.—Помянутымъ пленнымъ доставлено изъ суммъ, пожертвованныхъ въ пользу флота, 322 піастра. Въ скоромъ времени отъ нихъ ожидаются письма роднымъ. Письма на имя пленныхъ могутъ быть присылаемы въ С.-Петербургъ, въ Канцелярію Морскаго Министрства, для пересылки въ Константинополь.

(Морск. Сборн.)